

Е.А. Игнатьева*

**ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ В МОБИЛИЗАЦИОННОМ РЕЖИМЕ:
АГЕНТЫ ВЛАСТИ В СИБИРСКОЙ ДЕРЕВНЕ
В 1929–1930-Х ГОДАХ**doi:10.31518/2618-9100-2023-1-8
УДК 93/94*Выходные данные для цитирования:
Игнатьева Е.А. Деятельность в мобилизационном режиме: агенты власти
в сибирской деревне в 1929–1930-х годах // Исторический курьер. 2023. № 1 (27).
С. 105–115. URL: <http://istkurier.ru/data/2023/ISTKURIER-2023-1-08.pdf>*

E.A. Ignat'eva*

**ACTIVITY IN THE MOBILIZATION REGIME:
AGENTS OF POWER IN THE SIBERIAN VILLAGE
IN 1929–1930**

doi:10.31518/2618-9100-2023-1-8

*How to cite:
Ignat'eva E.A. Activity in the Mobilization Regime: Agents of Power in the Siberian
Village in 1929–1930 // Historical Courier, 2023, No. 1 (27), pp. 105–115.
[Available online: <http://istkurier.ru/data/2023/ISTKURIER-2023-1-08.pdf>]*

Abstract. The research deals with questions of the activity of agents of power in the Siberian Village in 1929–1930, the most intensive period the campaign of “total collectivization”. The paper is based on archival documents of the Central Committee of the Communist Party of the Soviet Union, the All-Russian Central Executive Committee, the Central Control Commission of the Communist Party of the Soviet Union, the Executive Committee in the Siberian region (krai) and Novosibirsk region (okrug), West-Siberian regional court, Central Control Commission of the Communist Party of the Soviet Union, OGPU authorized representative in the Siberian region (krai) and West-Siberian region (krai). It is established that activities of the agents of power were mobilization and extremely resource-intensive. The author studies the consequences of their activities in the Siberian Village for themselves and for the system they were a part of. It is shown that the reasons of the problems the agents of power faced in the Village were extremely inflated plans for the “socialist reconstruction” of the Village, inefficiency and inflexibility of the system, high level of social tension in the Village, everyday problems, incompetence, unpreparedness of agents of power to work in the Village and their specific personal transformations. The methods and techniques of the Bolsheviks of correcting the current situation are analyzed among which are small concessions while maintaining the “general line”, liquidation of the “self-discrediting” agents of power and sending new contingents of the agents to the Village. The conclusion is made about the low efficiency of the grassroots management system, the extreme resource consumption and the rapid exhaustion of this resource.

Keywords: USSR, Siberia, “total collectivization”, agents of power, mobilization, social conflict.

*The article has been received by the editor on 17.11.2022.
Full text of the article in Russian and references in English are
available below.*

Аннотация. Исследование посвящено изучению деятельности агентов власти в сибирской деревне в 1929–1930-х гг. – на пике кампании по «сплошной коллективизации». На основе материалов делопроизводства ЦК ВКП(б) и его Политбюро, Всероссийского центрального исполнительного комитета, Центральной контрольной комиссии ВКП(б), постановлений Сибирского краевого комитета партии, делопроизводственной

* **Евгения Андреевна Игнатьева**, Новосибирский государственный университет; аспирант, Институт истории Сибирского отделения Российской академии наук, Новосибирск, Россия, e-mail: jane.rose.gnr@yandex.ru
Evgeniya Andreevna Ignat'eva, Novosibirsk State University; Postgraduate Student, Institute of History of the Siberian Branch of the Russian Academy of Science, Novosibirsk, Russia, e-mail: jane.rose.gnr@yandex.ru

документации Сибкрайисполкома и Новосибирского окрисполкома, Западно-Сибирского краевого суда, полномочного представительства ОГПУ по Сибирскому краю/Западно-Сибирскому краю проанализированы функции агентов власти, их деятельность, взаимодействие с другими агентами власти. Установлено, что деятельность агентов власти носила мобилизационный, чрезвычайно ресурсозатратный характер. Исследованы последствия их работы в деревне – как для самих агентов власти, так и для той системы, частью которой они являлись. Установлены проблемы, с которыми сталкивались агенты власти на низовом уровне работы: причинами этих проблем являлись чрезвычайно завышенные по своим показателям планы «социалистической реконструкции» деревни, неэффективность и негибкость системы, высокий уровень социальной напряженности в деревни, бытовые проблемы, некомпетентность, неподготовленность агентов власти к работе в деревне, специфические личностные трансформации последних. Проанализированы методы и приемы большевиков по исправлению сложившейся ситуации (краткие уступки при сохранении «генеральной линии», ликвидация «дискредитировавших себя» агентов власти, отправка новых контингентов низового аппарата на места). Сделан вывод о низкой эффективности системы низового управления, чрезвычайной ресурсозатратности и быстрой исчерпаемости данного ресурса.

Ключевые слова: СССР, Сибирь, «сплошная коллективизация», агенты власти, мобилизация, социальный конфликт.

Статья поступила в редакцию 17.11.2022 г.

В конце 1920-х гг. СССР становится на путь форсированных, инициированных «сверху» и контролируемых партией радикальных преобразований. Последние являлись необходимым условием построения социализма «в отдельно взятой стране». Советский социум в этот период представлял собой социальное поле для масштабного мобилизационного эксперимента. Большевики поставили перед собой амбициозные и априори недостижимые цели – за короткий (по историческим меркам) срок радикально реформировать социальную, экономическую, культурную и политическую сферы общества, превратить страну с преимущественно традиционным укладом в индустриальную державу. Именно поэтому преобразования носили форсированный, милитаристский, чрезвычайный и экстраординарный характер.

К концу 1920-х гг. ключевой проблемой для режима оставалась деревня, которая еще сохраняла «капиталистические элементы» и не была полностью подчинена государству. Сталин открыто признавал, что единственный путь развития деревни в СССР – «перевод сельского хозяйства на рельсы коллективизма <...> других выходов [у нас] нет¹».

С конца 1929 г. ключевой кампанией государства в деревне становилось форсированное принудительное насаждение коллективных форм ведения аграрного производства. Сибирь и ее партийные организации оказывались частью директивных указаний Центра. На входе в коллективизацию в регионе ее уровень составлял 6,7 %, на выходе из основной ее фазы к концу 1931 г. уровень коллективизации в Западно-Сибирском крае составлял 60,1 %, в Восточно-Сибирском крае – 55,4 %². Сам процесс огосударствления деревни и ее ресурсов, по методам своего осуществления метафорически названный Сталиным «революцией сверху», сопровождался беспрецедентными, сравнимыми только с периодом Гражданской войны чрезвычайными и внеправовыми методами.

Для реализации аграрных преобразований «сверху» в исключительно короткий период политическое руководство прибегло к двум ключевым инструментам – чрезвычайности и мобилизации. К тому и другому государство обычно прибегает в критические периоды

¹ Сталин И.В. Политический отчет ЦК ВКП(б) XV съезду партии // XV съезд Всесоюзной Коммунистической партии (б). Декабрь 1928 года. Стенографический отчет. М.; Л., 1928. С. 57.

² Гуцин Н.Я. Сибирская деревня на пути к социализму (Социально-экономическое развитие сибирской деревни в годы социалистической реконструкции народного хозяйства. 1926–1937 гг.). Новосибирск, 1973. С. 308.

своего существования, в том числе и в данном противостоянии с крестьянством, длительность которого на протяжении нескольких лет приводит к закономерному процессу соединения экстраординарных чрезвычайных практик с непрерывными кадровыми и социальными мобилизационными кампаниями для их обеспечения, т.е. их рутинизации.

Чрезвычайность государству выгодна тем, что открывает для последнего ряд возможностей при нормальном положении недоступных. Данный опыт формирует не только правовую и правоприменительную основы, но и квазиправовые действия для достижения поставленных целей. Этот процесс отражается в законодательных и институциональных изменениях (распространение института уполномоченных, формирование законодательной базы массовых мобилизаций, расширение полномочий ОГПУ), в идеологической сфере (милитаризация гражданских областей жизни, жесткий антагонистический алгоритм пропаганды).

Чрезвычайность естественным образом актуализирует практику мобилизации – для реализации амбициозных планов нужны ресурсы, в первую очередь человеческие. Практика мобилизации, изначально предназначенная для решения частной проблемы, требующей дополнительных ресурсов, также рутинизировалась, превращаясь в один из ключевых методов строительства «социализма». Социальная мобилизация – это целенаправленное директивное воздействие институтов власти на массы, основанное на подавлении или искажении свободных и рациональных предпочтений, мотиваций и действий отдельных индивидов и/или групп для приведения социума в активное состояние, обеспечивающее поддержку и реализацию целей и задач, объявляемых приоритетными и признаваемых общественным большинством³.

Мобилизация, таким образом, становилась важнейшим инструментом в процессе реализации форсированных «социалистических» преобразований. Мобилизация позволяла аккумулировать финансовые (многочисленные займы, подписки и прочие формы изъятия средств у населения) и человеческие (система коллективного сельского хозяйства, национализация промышленности, что приводило к экономической зависимости от государства рабочих и пр.) ресурсы, подчиняла «сознание масс» (на что работал весь пропагандистский аппарат). Ключевыми характеристиками социальной мобилизации сталинского образца являлись экстраординарность, чрезвычайность, ресурсозатратность, масштабность и массовость, а применительно к исследуемому периоду – высокая степень милитаризма и антагонизма.

Целью настоящей публикации выступает реконструкция кадровой мобилизационной кампании, проходившей во второй половине 1929 – 1930-х гг. в сибирской деревне, где всё возрастающую роль приобретала деятельность агентов власти различных уровней, задача которых состояла в достижении максимально возможного контроля государства над деревней. В данном случае речь идет прежде всего о деятельности так называемого низового актива – о тех людях, кто непосредственно занимался реализацией многочисленных партийных директив, о тех, кто был ответственен за достижение планов, о тех, кто оказался в эпицентре развернувшейся «квазигражданской» войны в деревне. Агенты власти оказывались в конфликте не только с крестьянским социумом, но и между собой, а в иных ситуациях и с центральной властью, если принимали сторону крестьянства.

С конца 1920-х гг. в деревню хлынула «волна» многочисленных агентов различных «вертикалей» (партийная, советская, профсоюзная, охранительная) власти. Одни из них находились в деревне стационарно, другие же направлялись на (не)определенный период времени. К первым следует отнести председателей сельсоветов, председателей коммун/артелей, секретарей партийных ячеек, сотрудников милиции, народного суда, представителей местного «актива», «избачей». К нестационарным агентам следует отнести разного рода уполномоченных, мобилизованных в рамках конкретных так называемых хозполиткампаний или на определенную работу инспекторов различных организаций (сельхозинспекция, уполномоченные Сибирской/Окружной контрольной комиссии), сотрудников

³ Красильников С.А. Сталинская модель социальной мобилизации: некоторые проблемы изучения // Вестник НГУ. Сер.: История, филология. 2011. Т. 10, вып. 10. С. 41.

ПП ОГПУ, пропагандистов, сельских корреспондентов. Границы внутри кадров мобилизованных оказывались условными. В частности, привлеченные в рамках кампании по мобилизации «двадцатипятидесятники» оставались в деревне от нескольких месяцев до нескольких лет. Да и сама практика деятельности уполномоченных мобилизационных работников превратилась в постоянную составляющую работы в деревне.

Л.М. Каганович, выступая на XVI съезде ВКП(б) летом 1930 г., заявил: «Мы направили [с осени 1927 г.] в деревню по различным командировкам минимум четверть миллиона человек (курсив наш. – Е. А.)»⁴. Если говорить о масштабах Сибирского края, то известны следующие данные. На закрытом совещании членов Президиума Новосибирского окрисполкома с заведующими отделами 16 декабря 1929 г. было озвучено, что с апреля по декабрь 1929 г. проведено «18 различных кампаний, не считая недель, 2-х и 3-х недельников и друг[их] важнейших громадных работ в деревне»⁵. В конце февраля и начале марта в сибирскую деревню было направлено на различные сроки свыше 10 тысяч городских работников⁶.

Следует, однако, отметить, что приведенные внушительные цифры достигались режимом нелегко. Большевики столкнулись с дефицитом кадров, чрезвычайной текучестью аппарата, что демонстрирует ресурсозатратность и неэффективность системы. Ликвидация дефицита кадров проходила различными способами – от относительно «мягкой» (но не лишенной обязательности составляющей, связанной с определением квот, масштабов и т.д.) практики мобилизации «снизу» – выдвигенчества, до «жесткой» директивной мобилизации «сверху» (где обязательность сопровождалась недобровольностью). Практика выдвигенчества позволяла, с одной стороны, продвигать в государственный аппарат представителей социально значимых, с точки зрения советского руководства, групп населения, с другой – являлась способом замены кадров руководящих работников на новую бюрократическую элиту, полностью подконтрольную руководству партии. Между тем для выдвигенчества, как и для любого мобилизационного действия, характерна та или иная степень совмещения добровольных и обязательных практик, что выражалось в тенденции «уклонизма». В частности, распространенным явлением был хронический недостаток выдвигенцев для заполнения тех или иных вакантных должностей, мест на разного рода курсах или советско-партийной школы⁷.

Как отмечает ряд исследователей, система административно-волевого руководства не ориентировала выдвигенцев на проявление инициативы и самостоятельности. Низкий профессионализм, недостаточное умение анализировать обстановку формировали привычку действовать строго по циркуляру.

Другим каналом мобилизации кадров и одновременно их служебного дисциплинирования выступал институт уполномоченных, посредством которого большевики осуществляли оперативный надзор «сверху» путем командирования на различные сроки (от одной до нескольких недель) «посланца» из вышестоящего на нижестоящий уровень (центр – край – округ – район), наделенного полномочиями проверки хода реализации конкретных директив власти. Уполномоченные направлялись по партийной (в том числе и ВЛКСМ), государственной/советской (от исполнительных комитетов) и хозяйственной (ведомственной) линиям, от силовых структур (ОГПУ) и общественных организаций (ВЦСПС)⁸.

В делопроизводстве указанных выше структур четкой грани (как по функциям, так и полномочиям) между мобилизованными и уполномоченными нет. Встречаются одинаковые должностные инструкции для «мобработников», «мобуполномоченных», «мобилизованных», «уполномоченных». Мобилизация настолько прочно закрепилась в государственной практике тех лет, что имела даже оформленную функцию – работой по мобилизации кадров на

⁴ Каганович Л.М. Организационный отчет Центрального комитета XVI съезду ВКП(б) // XVI съезд Всесоюзной Коммунистической партии (б). Стенографический отчет. М.: Л., 1930. С. 67.

⁵ Государственный архив Новосибирской области (ГАНО). Ф. Р-1228. Оп. 1. Д. 843. Л. 3.

⁶ Докладная записка Сибкрайкома ВКП(б) секретарю ЦК компартии Л.М. Кагановичу, начало апреля 1930 г. // Коллективизация сибирской деревни, январь–май 1930 г. Новосибирск, 2009. С. 241.

⁷ Государственный архив Новосибирской области (ГАНО). Ф. П.-90. Оп. 1. Д. 50. Л. 8, 11, 61.

⁸ Игнатьева Е.А. Уполномоченные как институт социально-политической мобилизации в Сибири в начале 1930 г. // История: мат-лы 58-й Междунар. науч. студ. конф. (10–13 апреля 2020 г.). Новосибирск, 2020. С. 125–126.

места в ходе тех или иных кампаний в учреждении занимался либо специальный сотрудник, либо даже мобилизационный отдел⁹.

Естественно, что в условиях дефицита кадров о высокой квалификации и компетентности уполномоченных в непрофильной для них деревенской деятельности последних речи быть не могло. Городские служащие и рабочие, направляемые в деревню, проходили, как правило, перед этим краткий курс. Примечательно, что даже в рамках самой масштабной кампании по мобилизации рабочих для работы в деревне – «двадцатипяти тысячников» подготовка последних оказывалась крайне скудной. Перед отправкой рабочие проходили двухнедельные курсы, в исключительных случаях продлевавшиеся до 3–4 недель¹⁰. Хотя по мнению лидеров партии это считалось достаточным, чтобы представители пролетариата становились квалифицированными кадрами для деятельности в «колхозном строительстве».

Кадровая проблема в «деревенской» работе носила системный характер. Оценивая работу низового аппарата в деревне, в докладной записке от 3 апреля 1930 г. Председателю ВЦИК М.И. Калинину зам. Председателя СНК РСФСР А.М. Лежава констатировал: «<...> аппарат, в высшей степени слабый по своему уровню развития, крайне не авторитетный в глазах крестьян, совершенно некомпетентный во всех тех крупных хозяйственно-организационных вопросах, которые больше всего занимают деревню...¹¹».

На начало 1930 г. в десятиmillionном населении Сибири сельское население составляло 8 млн 451 тыс. чел.¹² Низовой советский аппарат был представлен 5726 сельскими советами, членами которых являлись около 80 тыс. чел. Согласно статданным, среди них преобладали мужчины (81,2 %), русские (82 %). Часть из них (11,3 %) оказывалась неграмотной, выделялась группа ранее отслуживших в Красной армии (23,1 %), доля членов и кандидатов в члены партии и комсомольцев составляла 17,5 % Впервые избранных насчитывалось 70,6 %. По своему социальному составу преобладали крестьяне (86,2 %), далее шли батраки и сельхозработчие (7,5 %), кустари и ремесленники (2,5 %), специалисты (учителя, врачи, агрономы) (1,2 %), служащие (2,6 %)¹³.

Состав председателей сельских советов оказывался по ряду характеристик отличным от своих членов по следующим показателям: более высокая доля мужчин (92,4 %), неграмотных среди них не было, больше отслуживших в армии (35 %), более значительная доля партийцев и комсомольцев (44,5 %), меньшая доля впервые избранных (57,1 %). В социальном составе здесь также преобладали крестьяне (86,3 %), но оказывалась выше доля батраков и сельхозработчих (10 %). Практически не были представлены специалисты (0,1 %)¹⁴.

Численность коммунистов в сельской местности была невелика (37 358 чел.). Если выделить в них состав и характеристики основных «мобилизаторов» в низовом звене, представленных руководством и членами бюро сельских партийных ячеек, то их насчитывалось 3570 чел. По социальному положению преобладали крестьяне (65,7 %), далее шли рабочие (21,0 %) и служащие (13,3 %). По партийному стажу примерно по трети составляли вступившие в партию до 1923 г., до 1926 г. и в 1927–1929 гг.¹⁵

Из приведенных выше сведений очевидно, что численность низового советского аппарата вместе с членами партийных ячеек (около 117 тыс. чел.) оказывалась недостаточной для осуществления планов форсированного огосударствления аграрного производства и советизации сибирской деревни. В данной ситуации большевистское руководство считало логичным шагом провести масштабную кадровую мобилизацию, где институт уполномоченных разных уровней призван был усилить *исполнительность* директивных решений.

⁹ ГАНО. Ф. Р-1228. Оп. 3. Д. 36. Л. 31.

¹⁰ Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. Р-374. Оп. 9. Д. 407. Л. 82.

¹¹ ГАРФ. Ф. Р-1235. Оп. 66а. Д. 9. Л. 60–61 об.

¹² Сибирский край: стат. справочник. Новосибирск, 1930. С. 3.

¹³ Там же. С. 66–67.

¹⁴ Там же. С. 74–75.

¹⁵ Там же. С. 92, 94.

Наличие ресурса (в данном случае человеческого) априорно не предопределяет качественное его использование. Так, на совещании в Крайкоме партии 30 января 1930 г. заместитель председателя правления Сибкрайколхозсоюза Харламов, описывая работу городских уполномоченных по организации колхозов, называл последних «гастролерами»: «Мы бестолково сейчас ведем работу <...> мы имеем сейчас очень много гастролерства. У нас из Москвы много гастролеров приехало, мы из края посылаем, вы из округов, а в среднем 40 человек на район. У нас 20–25 сельсоветов в каждом районе. Значит, мы имеем сейчас в районе по два приехавших человека на сельсовет, т.е. на две-три деревни. Это можно гору своротить, если мы скажем: сядьте и не смейте гастролерить. Группа в 3 человека в 1½–2 месяца работы должна дать нам законченные, хорошо организованные один-два колхоза»¹⁶. Такое «гастролерство» осложняло работу всего административного аппарата.

Большие трудности для работы агентов власти на местах привносил бюрократизм системы, дублирование функций и полномочий различными ее акторами. Агенты власти направлялись в деревню по различным «вертикалям» от различных (нередко контролируемых друг друга и конкурирующих друг с другом) органов. Такая ситуация приводила к рассогласованности действий, даже открытой конфронтации друг с другом.

Для понимания механизма функционирования уполномоченных значительную информационную ценность представляют инструкции по работе в деревне для агентов власти. В этих документах доминирует целевая составляющая, в то время как выбор средств для достижения целей оставался нередко в них без внимания. Так, в инструкции работникам, командированным в деревню для ускорения хлебозаготовок, написанной предположительно в декабре 1928 г. заведующим отделом по работе в деревне Сибкрайкома ВКП(б) Комаровым, список программы их работы обозначался как «примерный»¹⁷.

Лаконичные и конкретные по своим функциям инструкции были исключением. В частности, в инструкции уполномоченному по хлебозаготовкам в Омском округе в марте 1929 г. содержались следующие рекомендации: «Еще раз указываем, в основу работы взять установку, которая была дана на совещании актива, и это письмо. Ни в коем случае не делать отсебятины. Никакой мудрости не выдумывать»¹⁸.

При анализе донесений уполномоченных и мобилизованных на места работников «наверх» заметна обвинительная тенденция в адрес представителей низового аппарата власти. Последние оценивали свои полномочия весьма широко: «...с руководителями заготовительных организаций мною было проведено специальное районное совещание по этому вопросу, но пока что результата оказалось мало. По-видимому, придется прибегать к судебным репрессиям»¹⁹. Упомянутый уполномоченный сообщает, как вскоре после своего приезда он «наводил порядок»: раскритиковал деятельность зав. РайЗО, делопроизводитель РайЗО сам подал в отставку, кассир Райисполкома «также уходит», ЗавРайФО и инструктора «попросту нет», «работа по финансовой части почти стоит».

Данный «ревизор» действительно «наводил порядок» в соответствии с полномочиями, понимаемыми как «надзирать и наказывать», но такой «порядок» конструктивного решения не имел: «В общем, “заколдованный круг”, не знаю, за что и браться <...> Нам нужна в этих вопросах Ваша помощь»²⁰.

Специфика работы агентов власти заключалась в перманентном лавировании между «молотом и наковальней» – между поставленными партией задачами (оторванными от действительности) и крестьянским миром (враждебным по отношению к «чужому»). Тем самым они оказывались в маргинальном положении. В первую очередь, агенты власти оказывались заинтересованы в собственном выживании – как в физическом смысле (когда

¹⁶ Стенограмма совещания секретарей окружкомов и обкомов ВКП(б) при Сибкрайкоме по вопросам подготовки к весенней сельскохозяйственной кампании и коллективизации. 30–31 января 1930 г. // Коллективизация сибирской деревни, январь–май 1930 г. Новосибирск, 2009. С. 124.

¹⁷ ГАНО. Ф. П.-2. Оп. 1. Д. 3282. Л. 20–24.

¹⁸ ГАРФ. Ф. Р-1235. Оп. 66а. Д. 28. Л. 53.

¹⁹ ГАНО. Ф. Р-1228. Оп. 1. Д. 846. Л. 73–74 об.

²⁰ Там же.

жизнь представителя власти оказывалась в опасности в условиях «квазигражданской войны» в деревне), так и в социальном (следовало избежать подозрений в «пособничестве кулаку», удержаться на рабочем месте и выполнить «миссию партии»), затем уже – в укреплении собственной власти на местах.

Делопроизводство ОГПУ содержит информацию о многочисленных «террористических актах» агентов власти в деревне – как «своих», так и «чужаков». Чекисты на своем специфическом новоязе квалифицировали это «ярким выражением обострившейся в настоящее время классовой борьбы в деревне»²¹. «Терактами» сотрудники ОГПУ называли различные формы активного протеста в деревне. Это были коллективные или индивидуальные нападения на местных активистов, государственных и партийных служащих. Доставалось председателям сельсоветов, членам комиссии по хлебозаготовкам, а также другим активистам и посланцам партии. Физическое насилие (избиение, нанесение ножевых ран и пр.), покушения на убийства – все это уже появляется в пик хлебозаготовительной кампании в октябре 1929 г., к концу осени «градус накала страстей» снижается, снова уступив место пассивным формам протеста. Однако постановления ЦК ВКП(б) от 5 и 30 января 1930 г., начало «сплошной коллективизации» и «ликвидации кулачества как класса», отправка двадцатипяти тысячников в Сибирь и прочие мероприятия «социалистической реконструкции» деревни становятся причиной новой волны взаимного насилия в деревне.

В деревне развернулась действительно ожесточенная борьба вокруг реализуемых мероприятий, но противников и сторонников данной кампании оказывалось не так легко определить по классовому признаку. И в 1930 г. столкновения происходили не между крестьянами, а между всем деревенским населением и органами власти и партии. Также неприятным открытием для власти стала не только поддержка средним крестьянством «кулаков», но и коллективные выступления в защиту последних. Возникал конфликт дискурсов, заключавшийся в том, что официальный дискурс навязывал «миру деревни» образ «врага» – «кулака». Для крестьянского массового сознания образ «врага» имел противоположное звучание – в деревне в него в момент протестов включали, скорее, не деревенских «кулаков», а рабочих, большевиков и горожан вообще²².

Анализ состояния институтов власти в мобилизационном режиме демонстрирует возраставшие потенциальные риски для собственного функционирования. Сами носители власти различных ее уровней оказывались в зоне риска стать самим объектом репрессий. Здесь и перманентная «чистка» аппарата, и следующие за ней перевыборы, регулярные снятия с должностей представителей власти, которые не справились с реализацией амбиций большевистского руководства. Партийные и советские служащие нижних эшелонов власти наиболее часто становились своеобразными «козлами отпущения» для вымещения на них народного гнева (то, что в теории социального конфликта называется «клапаном» снятия социальной напряженности²³). Местные функционеры, включая и уполномоченных, таким образом превращались в расходный ресурс системы.

Система большевистской власти, основанная на безусловной преданности и полной лояльности ее агентов, приводила к отрицательному отбору при инкорпорации кадров. Система, которая нуждалась в лояльных исполнителях, в которой легко было лишиться своей должности, свободы и даже жизни, естественным образом приводила к специфическим социально-психологическим последствиям: нежеланию брать ответственность за принимаемые решения и оголтелому энтузиазму при исполнении директив. Так, на закрытом совещании членов Президиума Новосибирского Окрисполкома с заведующими отделами 16 декабря 1929 г. было озвучено, что «заведующие отделами и руководители учреждений» всячески избегают брать на себя ответственность за принимаемые решения. Председатель

²¹ ГАНО. Ф. Р-1027. Оп. 6. Д. 10.

²² Великанова О.В. Разочарованные мечтатели: советское общество 1920-х годов. М., 2017. С. 160.

²³ Козер Л. Функции социального конфликта. М., 2000. С. 60–71.

Новосибирского Окрисполкома И.Г. Зайцев открыто признавал причину такого поведения: «Понятно, товарищи боятся, чтобы не попасть впросак или в правый или левый уклон»²⁴.

Реальная жизнь деревни 1929–1930 гг. была отлична от рисуемой большевистской пропагандой картины – деревня оказалась погружена в инспирированную сверху социальную войну, полное «погружение» в которую таило угрозу в отношении лояльности большевистской власти. Масштабные трансформации в рамках «революции сверху» производились насильственным и принудительным характером, приводили к депривации²⁵ сельского населения, социальной эксклюзии²⁶ и маргинализации его части (зажиточного крестьянства), росту фрустрации²⁷ не только среди крестьянского населения, но и среди самих агентов власти. Опыт соучастника трагедии советской деревни мог приводить к внутриличностным конфликтам. Делопроизводство ОГПУ сообщает о бегстве мобилизованных/уполномоченных, о массовом злоупотреблении алкоголем агентами власти, о преступлениях (порой невероятно изощренных и жестоких), совершаемых последними, об их психологических проблемах (жалобы на неврастению и прочие расстройства) и даже о суицидах.

Недовольства злоупотреблениями представителей местной власти и уполномоченных доходят до ВЦИК, до Калинина²⁸. Приведем выдержку из письма некоего агента власти Микуниса на имя Калинина с грифом «безусловно, лично секретно»: «...тебе известно, какие ошибки были допущены во всех этих периодах <...> Я недавно отправил тов. Ярославскому очень богатый материал в котором характеризовалось кого раскулачивали, как раскулачивали и где раскулачивали, т.е. раскулачиваем огромное количество середняков, раскулачиваем не только в районах сплошной колл[ективизации], а везде, там где колл[ективизация] доходит до 25 %, и наконец принимаем все методы мести и раскулачиваем не как класс, а просто физически, что ничего общего не имеет с коллективизацией <...> Я это считаю физическим уничтожением и таким же порядком ликвидируется поп <...> Очень больно об этом говорить <...> Тов. КАЛИНИН, я далеко от паники, но также далеко от опьянения успехами, я не ошибусь, если скажу, что если нами не будут приняты меры оздоровить голомотяпство немедленно по всем затронутым вопросам, то нам не поздоровится от наших успехов...».

Немногие агенты власти имели привилегию быть услышанными, но и в таких случаях для них исход мог быть неблагоприятным. Так, до Калинина дошло заявление члена ВКП(б) Белова, посланного в Ачинском округе, о «непосильном обложении крестьян налогами, хлебозаготовками, незаконном закрытии церквей и раскулачивании красноармейских и партизанских хозяйств». Секретариат Председателя ВЦИК инициировал проверку «правильности заявлений члена ВКП(б) тов. Белова» и пришел к выводу, что «т. Белов при проведении работы на селе и имеющихся трудностях в практической работе переустройства сельского хозяйства *дался в панику*»²⁹. Причем этот вывод был сделан на основе разъяснения Ачинской окружной контрольной комиссии (КК) ВКП(б) – РКК. Тем самым информатор оказался при проверке «паникером».

Отдельные агенты власти становились ренегатами по отношению к большевистскому режиму, публично отказываясь от выполнения возложенной на них миссии. В частности, чекисты отмечали, что двадцатипятидесятники «шли за крестьянскими настроениями после коротких первых выездов в деревню». В своей переписке некоторые ленинградцы в ужасе

²⁴ ГАНО. Ф. Р-1228. Оп. 1. Д. 843. Л. 1.

²⁵ Депривация – лишение или ощущение появления существенного дефицита объектов удовлетворения основных потребностей.

²⁶ Социальная эксклюзия – процесс вытеснения человека на периферию общественной жизни и лишения возможности полноценно участвовать в ней вследствие бедности, нехватки базовых компетенций или дискриминации.

²⁷ Фрустрация – это препятствие на пути целенаправленного поведения; агрессия – это поведение, предназначенное для нанесения вреда – психически или иным образом – тому, на кого оно направлено. Предрасположенность к агрессивному акту в состоянии фрустрации – это часть биологической природы человека. Чем сильнее воспринимаемая угроза жизни (а реализация «сплошной коллективизации» являлось ею), тем сильнее будет насильственный ответ.

²⁸ ГАНО. Ф. Р-1235. Оп. 66а. Д. 41. Л. 48–49 об.

²⁹ Там же. Д. 44. Л. 5–6.

сообщали, что «округ [находится] накануне восстания», «деревня стонет от проводимой политики», «деревню ободрали»³⁰. Так, агенты власти «вдруг» становились ее противниками: «партия <...> довела страну до разрухи...»³¹. Безусловно, вербальные формы несогласия не следует отождествлять с участием их в активном деревенском протесте, однако это отлично демонстрирует процесс смены статуса «своего» активиста на статус «чужого» – ренегата.

Постулируемый властью тезис о «незнании» истинного положения «наверху» и массовом произволе на местах являлся лишь политическим маневром. Донесения о злоупотреблениях и «перегибах» (читай: реальном насилии. – Е. А.) доходили до Москвы. Часть этих эпизодов сохранилась в делопроизводстве Наркомата рабоче-крестьянской инспекции СССР (НК РКИ СССР). Обратимся к уже упоминавшейся выше докладной записке А.М. Лежавы от 3 апреля 1930 г. М.И. Калинину, в которой тот пишет: «[в] решительную минуту – ликвидации кулака, как класса, проведения коллективизации и ликвидации перегибов, – становится совершенно понятным, что охарактеризованный нами год тому назад состав [низовых аппаратных] работников смог провести всю эту ответственную работу именно так топорно, грубо и насильственно, как это оказалось на самом деле»³².

Трансформации, происходившие с агентами власти на местах, отлично иллюстрирует исследование известным американским социологом Р.К. Мертонем такого феномена, как непреднамеренный результат намеренного социального действия³³. Мертон выделяет четыре фактора, приводящих к непреднамеренному результату преднамеренного социального действия: «знание/незнание»; ошибки оценки ситуации; «императивность ближайшего интереса» («здесь и сейчас»); выход за пределы той области/сферы, для которой оно предназначалось. Для конкретных мероприятий и кампаний, являющихся частью «Большого социального действия» («революции сверху»), характерен тот или иной фактор (нередко их совокупность), значительным образом искажающий результаты «Великих социалистических преобразований».

Теория Р.К. Мертона о непреднамеренных последствиях намеренного социального действия объясняет причины появления непредвиденного результата, что представляет адекватную научную альтернативу идеологическим штампам и мифам о «классовой борьбе», «вредительстве», «бешеном кулацком сопротивлении» и прочего в качестве объяснений нежелательных последствий. Теория дает возможность понять, чем пренебрегали авторы реализуемых кампаний. И здесь лидирует фактор «императивности ближайшего интереса». Модернизация «здесь и сейчас», строительство социализма «здесь и сейчас», насильственное изменение человеческой природы в угоду идеологической модели тоже необходимо реализовать «здесь и сейчас». Императивность обесценивает «издержки» реализуемых мероприятий, возводя на пьедестал планируемые результаты. Так, в модели «цель – средства» средства становятся самоцелью.

Отдельный интерес представляет то, как реагировали большевики на донесения с мест, каким видели решение по исправлению ситуации. Информационное обеспечение режима, несмотря на высокую степень идеологичности, все же отражало реалии на местах. Все в той же записке Лежавы говорится: «...для этой сложной и трудной работы [сохранение численности колхозов] нынешний состав низовых работников в большинстве своем мало подходит, как потому что он вообще слаб, так еще и потому, и особенно потому, что у этих работников в настоящий момент отношения с крестьянством совершенно испорчены, и к тому же они дискредитировали себя в глазах населения действиями сверху»³⁴.

В конце докладной записки автор прилагает список рекомендаций по исправлению сложившегося положения. Список этот вполне соответствует стилю большевистского руководства: Лежава предлагает «ввести еще 6–8 тысяч сильных работников», «пересмотреть

³⁰ ГАНО. Ф. Р-627. Оп. 2а. Д. 15. Л. 223.

³¹ Там же. Л. 228.

³² ГАРФ. Ф. Р-1235. Оп. 66а. Д. 9. Л. 60–61 об.

³³ Мертон Р.К. Непреднамеренные последствия преднамеренного социального действия // Социологический журнал. 2009. № 2. С. 5–17.

³⁴ ГАРФ. Ф. Р-1235. Оп. 66а. Д. 9. Л. 60–61 об.

наличный состав нынешних низовых работников и произвести их перестановку», «откомандировать партийцев из советских аппаратов на деревенскую работу», «создать при Президиуме ВЦИК большой кадр разъездных инспекторов <...>, которые должны находиться в разъездах по селам и деревням для контроля»³⁵.

Здесь, как и во многом другом, партийные лидеры руководствовались конструктами идеологии, а не реалиями действительности. Чтобы сломить деревню, оказывается, необходимо лишь «поставить грамотное руководство колхозами»³⁶ и «дать директиву» («...достижение 50 % коллективизации не так уж высокий процент, ибо стоит только дать директиву, что к 1 апреля должно быть 100 % закончено колл[ективизации], и это будет достигнуто»³⁷).

Между тем в конце марта – начале апреля в стране уже проходила кампания демонстративного наказания «перегибщиков», хотя сами девиации «перегибщиков» начинали фиксироваться раньше. В частности, в чекистской сводке о ходе коллективизации в Сибири на 20 февраля 1930 г. отмечалось, что «в ряде районов со стороны местных работников и особенно уполномоченных РИКов нередко практикуются аресты и терроризирование бедняков и середняков, отказывающихся от вступления в колхозы <...> В Барнаульском округе уполномоченный Залесова вызывала по отдельности крестьян, показывала вызванному револьвер и говорила: “Вот этот патрон стоит 5 коп., если не пойдешь в коммуну, то получишь его даром” (Залесова отдается под суд)»³⁸. В сводке Сибкрайкома на начало апреля 1930 г. за «перегибы» в регионе 1 056 функционеров были преданы суду, на 1 147 чел. наложены партийные взыскания, 330 чел. исключены из партии, распущено 14 райкомов партии³⁹. Данные неполны (нет сведений от 5 округов из 18), однако даже в приведенных цифрах проявилась тенденция: наказаниям подверглись в массе своей функционеры и члены партии нижнего звена не выше районного, однако из партийных и чекистских докладов и обзоров следует, что в «подхлестывании» мобилизационных действий роль уполномоченных различных уровней оказывалась значительной.

Таким образом, с реализацией поставленных перед агентами власти в деревне целей возникали кризисные ситуации. Причин этому несколько: чрезвычайно завышенные по своим показателям планы «социалистической реконструкции» деревни (оторванность от реалий действительности, руководство идеологическими конструкциями); неэффективность и негибкость системы (бюрократизм, кадровый дефицит, произвол, нежелание брать на себя ответственность, изоляция агентов власти на местах, несогласованность между собой различных институций); высокий уровень социальной напряженности в деревне («квазигражданская война»); бытовые проблемы (отсутствие жилья и продовольственного довольствия на местах, низкая заработная плата); некомпетентность, неподготовленность городских агентов власти к работе в деревне, специфические личностные трансформации (алкоголизм, агрессивность, депрессии, маргинализация и пр.) последних при деятельности в экстремальных социально-политических условиях.

Литература

Великанова О.В. Разочарованные мечтатели: советское общество 1920-х годов. М.: РОССПЭН, 2017. 295 с.

Гущин Н.Я. Сибирская деревня на пути к социализму (Социально-экономическое развитие сибирской деревни в годы социалистической реконструкции народного хозяйства. 1926–1937 гг.). Новосибирск, 1973. 518 с.

Игнатьева Е.А. Уполномоченные как институт социально-политической мобилизации в Сибири в начале 1930 г. // История: материалы 58-й Междунар. науч. студ. конф. (10–13 апреля 2020 г.). Новосибирск: ИПЦ НГУ, 2020. С. 125–126.

³⁵ ГАРФ. Ф. Р-1235. Оп. 66а. Д. 9. Л. 60–61 об.

³⁶ Там же.

³⁷ ГАРФ. Ф. Р-1235. Оп. 66а. Д. 41. Л. 112.

³⁸ Докладная записка Сибкрайкома ВКП(б) секретарю ЦК компартии Л.М. Кагановичу. Начало апреля 1930 г. // Коллективизация сибирской деревни. Январь–май 1930 г. Новосибирск, 2009. С. 219.

³⁹ Там же. С. 242.

Козер Л. Функции социального конфликта. М.: Идея-Пресс, Дом интеллектуальной книги, 2000. 205 с.

Коллективизация сибирской деревни, январь–май 1930 г.: сборник документов / отв. ред. В.А. Ильиных, О.К. Кавцевич. Новосибирск, 2009. 487 с.

Красильников С.А. Сталинская модель социальной мобилизации: некоторые проблемы изучения // Вестник НГУ. Сер.: История, филология. 2011. Т. 10, вып. 10. С. 40–46.

Мертон Р.К. Непреднамеренные последствия преднамеренного социального действия // Социологический журнал. 2009. № 2. С. 5–17.

References

Coser, L. (2000). *Funksii sotsial'nogo konflikta* [The Functions of Social Conflict]. Moscow, Ideya-Press, Dom intellektual'noy knigi. 205 p.

Gushchin, N.Ya. (1973). *Sibirskaya derevnya na puti k sotsializmu (Sotsial'no-ekonomicheskoe razvitie sibirskoy derevni v gody sotsialisticheskoy rekonstruktsii narodnogo hozyaystva. 1926–1937 gg.)* [Siberian Village on the Way to Socialism (Socio-Economic Development of the Siberian Village during the Years of Socialist Reconstruction of the National Economy. 1926–1937)]. Novosibirsk. 518 p.

Ignat'eva, E.A. (2020). Upolnomochennyye kak institut sotsial'no-politicheskoy mobilizatsii v Sibiri v nachale 1930 g. [Commissioners as an Institution of Social and Political Mobilization in Siberia at the Beginning of 1930]. In *Istoriya: materialy 58-y Mezhdunarodnoy nauchnoy studentcheskoy konferentsii 10–13 aprelya 2020 g.* Novosibirsk, IPC NGU, pp. 125–126.

Il'inykh, V.A., Kavcevich, O.K. (Eds.) (2009). *Kollektivizatsiya sibirskoy derevni, yanvar' – mai 1930 g.* [Collectivization of the Siberian Village, January–May 1930]. Novosibirsk. 487 p.

Krasilnikov, S.A. (2011). *Stalinskaya model' sotsial'noy mobilizatsii: nekotorye problemy izucheniya* [Stalin's Model of Social Mobilization: Some Problems of Studying]. In *Vestnik NGU. Seriya: Istoriya, filologiya*. Vol. 10, No. 10, pp. 40–46.

Merton, R.K. (2009). *Neprednamerennyye posledstviya prednamerennogo sotsialnogo deystviya* [The Unanticipated Consequences of Purposive Social Action]. In *Sotsiologicheskii zhurnal*. No. 2, pp. 5–17.

Velikanova, O. (2017). *Razocharovannyye mechtateli: sovetskoe obshchestvo 1920-kh godov* [Popular Perceptions of Soviet Politics in the 1920s]. Moscow, ROSSPEN. 295 p.